

ночи и звездного неба; услышал же он, только могучее дыхание ветра. Он попытался закрыть дверь, но не смог. Братья навалились втроем, но и тогда у них ничего не получилось. Тогда, охваченные ужасом, братья закричали в ночь:

– Ради Бога, говорите! Кто вы такой и что вам надо?

Они по-прежнему никого не увидели, однако до них донесся глухой голос:

– Кто я такой, вы скоро поймете, и чем позже вы положите обратно дерево, которое не дает мне проехать, тем горше для вас будет узнать мое имя. Вот то, что мне надо. Идите.

Они выскочили, полуодетые, и побежали к дороге. Впоследствии, они признались, что совсем не чувствовали холода из-за охватившего их ужаса. Возле злополучного ствола, они увидели странную низкую телегу, запряженную лошадьми, на которых не было никакой сбруи. Схватив поваленный дуб, братья перетащили его к обочине. И Анку – а это был он – тронул своих лошадей со словами:

– Из-за того, что вы преградили дорогу, я потерял час времени: именно час каждый из вас мне должен. И если бы вы не повиновались моему приказанию, вы потеряли бы столько лет жизни, сколько минут это дерево пролежало бы на моем пути.

Анку приглашён на пир

Это произошло в те времена, когда богачи еще не были жестокими людьми, и умели распоряжаться своим богатством так, чтобы и бедным помочь прокормиться.

Правду сказать, случилось это давным-давно.

Лау ар Браз был в то время самым богатым хозяином в местечке Плейбен Крист. И если на его ферме забивали поросенка или корову, то это обязательно делали в субботу. А на следующий день, в воскресенье, Лау приходил в церковь на утреннюю мессу. Когда служба заканчивалась, секретарь мэра поднимался на верхнюю ступеньку кладбищенской лестницы и читал жителям городка, собравшимся на площади, новые законы, или объявлял о торгах на следующую неделю.

“Ну вот, теперь – моя очередь”, думал Лау, когда секретарь заканчивал читать свои бумаги. И как обычно, поднимался, становился возле креста и говорил:

– Слушайте все! Лучший поросенок из всех, какие только есть в Кереспере, убит одним ударом. Приглашаю вас на пир – отведать кровяных колбасок. Приходите все – дети и взрослые, молодые и старики, фермеры и работники! Дом у меня большой, а если не хватит в доме места, так и в сарае можно столы поставить. А в сарае места не хватит – так во дворе оно всегда найдется.

Что творилось у креста! Как только начинал Лау говорить, тут же собирался вокруг него народ. И всем не терпелось узнать, кто первый ответит богатому хозяину. Топтались люди на ступеньках, толкали друг друга.

И вот однажды, в одно из воскресений, после мессы, как и каждый год, Лау стал звать всех на пир. Бьют – беги, дают – бери!

– Приходите все! Все приходите! – говорил Лау. А вокруг него собралось столько людей, что посмотреть на их головы сверху – ну точно гора яблок. И все улыбаются.

– И не забудьте – говорит Лау, – В этот вторник прийти ко мне!

И все эхом ему отвечают: «В этот вторник!»

А на том же месте, чуть в стороне, под кладбищенской землей покоились мертвецы. В суете люди забыли про них и топтались прямо на могилах – до того ли, чтобы помнить кто там под землей лежит!

И вот когда народ уже собирался расходиться, какой-то слабый голосок спросил у Лау:

– И я могу прийти?

– Черт возьми! – удивился Лау, – Если я всех приглашаю, то значит и тебе место найдется!

И пошел народ пить-гулять весь день на радостях от того, что через два дня на ферме Кереспер будет пир. А кое-кто и в понедельник выпил как следует, чтобы предстать перед поросенком в наилучшем виде.

И вот во вторник утром повалили люди в Кереспер, будто на крестный ход. Те, что побогаче – на повозках ехали, а бедняки на своих двоих шагали через поля по заветным тропкам.

И вот когда уже уселись все за столы, когда уже перед каждым полное блюдо поставили, явился на пир запоздалый гость. С виду он был похож на нищего – не одежда на нем, а прилипшие к коже лохмотья, а от самого падалью пахнет. Вышел Лау к гостю навстречу и усадил его за стол.